

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической
и социальной философии

**ВЛИЯНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК
ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ НА ПОНИМАНИЕ АНТИЧНОСТИ**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 411 группы
направления подготовки 47.03.01 – Философия
Философского факультета
Павловой Дарьи Александровны

Научный руководитель

кандидат философских наук, доцент _____ М. А. Богатов

Заведующий кафедрой

доктор философских наук, профессор _____ В. Б. Устьянцев

Введение

Актуальность темы исследования. Традиционно философские исследования приступают к своему предмету во всеоружии собственной методологии, оставляя без внимания не только исторические и филологические данные, но также и влияние собственной эпохи, герменевтическую ситуацию самого исследователя. С другой стороны специализация научных методов в отношении античности сузила горизонты исследований, сконцентрировавшись на ближайших достижимых целях. Однако мы бы хотели поставить вопрос о влиянии настроения эпохи, в которую исследуется античность на само представление об античности. Нас интересует даже не столько влияние исторической ситуации на исследование античности, сколько взаимовлияние любой современности, обращающей свой взор на античную эпоху. Наша рабочая гипотеза состоит в том, что каждая из эпох не только смотрит на античность со своего собственного исторически определённого места, но и видит она каждый раз иную античность, которая, в свою очередь, определяет каждый новый облик современной философии.

Степень разработанности проблемы. Мы ставим себе целью обратиться к определённому периоду развития европейской философии – с середины XVIII века по вторую половину XX века, остановившись лишь на самых значительных и традиционно установившихся для философской традиции течениях и представителях. В первую очередь, это немецкая линия обращения к античности (И.И. Винкельман, Г.В.Ф.Гегель, И.Г. Дройзен, Я. Буркхардт, Ф. Ницше, В. Йегер, Ш. Георге, М. Хайдеггер, Х. Арндт). Далее мы обратимся к отечественному антиковедению (А.Ф. Лосев, М.Л. Гаспаров, С.С. Аверинцев, М.К. Мамардашвили, В.В. Бибихин, Ю.А. Шичалин).

Объектом исследования является *отношение* европейской философии XVIII-XX вв. к античной мысли, **предметом** – основные *стратегии* философствования, влияющие на выявление античной мысли.

Методологическим **основанием** **исследования** служат герменевтический и феноменологический методы, компаративистский подход, элементы исторического и филологического анализа. Кроме того, мы обращаемся к общим логическим методам, традиционно применяемым в гуманитарных науках (анализ и синтез).

Целью исследования является выявление основных стратегий европейской философии, с помощью которых она открывала и исследовала для себя античность. В соответствии с поставленной целью, необходимо решить следующие **задачи**:

1. Исследовать зарождение немецкой традиции обращения к античности в работах И.И. Винкельмана и Г.В.Ф. Гегеля;
2. Проанализировать “дионисийский” поворот в исследовании античности, осуществлённый Ф. Ницше;
3. Рассмотреть установки отечественной филологической школы на усмотрение античности в работах М.Л. Гаспарова, С.С. Аверницева, Ю.А.Шичалина;
4. Установить основные стратегии понимания античности в отечественной философской мысли XX века (в трудах А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили, В.В. Бибихина).

Научная новизна работы заключается в открытии новой междисциплинарной сферы исследования. Науки, отвечающие за те или иные аспекты античной истории разделены между собой, в то время как только в их совокупном участии формируется облик той античности и её настроения, который кажется продуктивным для современных исследований. Мы стараемся усмотреть этот общий взгляд на античность в работах философов и “философствующих” филологов.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она предоставляет основные стратегии для дальнейшего исследования предложенной темы. В первую очередь, работа может быть полезна для представителей других дисциплин, занятых исследованием античности, поскольку предоставляет им

своего рода выводы, которыми располагает философская мысль в отношении античности на протяжении двух столетий. Во-вторых, для самих философов работа может послужить отправной точкой для дальнейших исследований того влияния античности на установление идентификации современности, которые до сих пор остаются без должного внимания. Работа может использоваться при подготовке к курсам по античной философии, истории немецкой философии, а также истории современной отечественной мысли.

Структура работы определяется её целью и поставленными задачами. Работа состоит из двух глав: 1. Понимание античности в Германии и 2. Понимание античности в России.

Основное содержание работы

В первой главе настоящей работы рассматривается восприятие античности немецкими мыслителями. И. Винкельман – историк искусства, основатель новой археологической науки. Он описывает в «Истории искусства древности» Грецию прекрасную, возвышенную. Указывает на ценность и превосходство искусства древних греков над искусством остальных народов, выделяя ряд характерных для греческого народа черт, таких, как, аполлоническая умеренность, мужество, гармоничность мышления. Винкельман отмечает, что греки были свободными, и это поспособствовало формированию у них вкуса, каким не отличался ни один другой народ, их искусство благородно. Такое искусство могли создать только люди, обладавшие прекрасной душой и умом, способным постичь красоту и совершенство природы.

Г. В. Ф. Гегель в своей «Философии истории» описывает греческую цивилизацию возвышенной, представляющей собой «классическую форму». Гегель начинает говорить о греческом мире, в первую очередь замечая, что «у греков мы сразу чувствуем себя дома, потому что мы находимся в сфере духа»¹.

Греческий полис олицетворяет собой гармоничное соединение природы, человека и государства, религии и искусства. Греческий дух воспринимает

¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 14 томах. Том 8 - Философия истории, 1935. С. 211.

природу, всматривается в нее и видит в ней источник знания. Для греков искусство может быть и орудием, чтобы показать себя другим и справиться с могуществом природы, и целью; в их культуре – начало культуры европейской.

И. Дройзен в книге «История эллинизма» видит Древнюю Грецию цветущей, с одной стороны, но вместе с тем воинствующей, хотя Лисандру из Спарты удалось пошатнуть мощь Афин, то это не относилось к ее «демократическому духу», искусству и образованию, философии.

Историческое рассмотрение идет по пути прояснения настоящего через обращение к прошлому, прояснения изменений в истории и самосовершенствования, потому что «история есть γνώθι σαυτόν человечества, его самосознание, его совесть»², вот почему Дройзен говорит о прекрасном идеале античной Греции.

Я. Буркхардт, швейцарский историк культуры, искусствовед, в книге «Размышления о всемирной истории» стремился избежать ситуации, когда той или иной эпохе при ее обозрении вменяется счастье или несчастье, ведь наша оценка событий зависит от того, что мы считаем приемлемым сами; и, отбросив иллюзорные понятия, найти ясное представление о древних греках.

Античная Греция Я. Буркхардта – это совершенное, великое государство, главенствующую роль в котором занимает культура, полис – «произведение искусства». О жизни древних народов мы узнаем из поэзии, драмы, изящного языка греков. В характере греческого народа Буркхардт отмечает благородство, величие и стойкость, все это способствовало развитию искусства, ремесел военного дела, политики и философии в период расцвета Древней Греции вплоть до ее падения.

В. Йегер в книге «Пайдейя» пишет о том, как формировался, «образовывался» человек в Древней Греции, до сих пор сохраняющей влияние на мировую культуру. Благодаря воспитанию греки обладали художественным чувством, вытекающим из их эстетической предрасположенности, то есть их вкус рождался из естественного, природного чувства, в чем заключается «чудо

² Дройзен И. Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 384.

греческого духа», их способность ясно видеть, созерцать порядок космоса. Образование, которое имеется в виду, когда мы говорим о его классической форме - образование древнего грека IV века, живущего в полисе. Именно полис отражает жизнь греков в ее полноте. Из идеалов и высоких ценностей древнеэллинического полиса возникли те требования, прилагаемые сначала к знати, а затем и ко всему народу, которые составляют основу философской этики Платона и Аристотеля и являются общезначимыми для формирования и воспитания человека в государстве. А «общее» образование в раннегреческом полисе - шаг в становлении «гуманистического» образца образования.

Немецкие мыслители видели аполлоническую античность светлой и возвышенной, даже в период упадка сохраняющей свое величие.

Ф. Ницше, задавший новый принцип философствования для всей последующей эпохи, в «Рождении трагедии» - наряду с порядком Аполлона говорит об экстатическом дионисийстве, опьянении, мистерии. Ф. Ницше указывает на то, что современности недостает греческого величия и легкости, культура искажается под оберегающее мышление, мы уже не можем представить такого авантюрного и пренебрежительного отношения к жизни во имя героического поступка.

Трагичность Ницше, как и трагичность у эллинов – это принятие случайного, независимо от того, какое влияние оно оказывает на жизнь конкретного человека; в том числе принятие страшного, неизвестного, причем принятие радостное, трагедия у греков величественна. Распространенное сегодня наивное представление о Древней Греции как о мире добродетели и оптимистических настроений – это представление теоретического человека, не принимающего трагизма, воспетого Ф. Ницше – соединения ликования и ужаса.

Ш. Георге – немецкий поэт, который вошел в историю благодаря организации Круга, решив воспитывать людей, которые влияли бы на интеллектуальную ситуацию в Германии. Георгеанцы – ученики и друзья Георге, стремились стилизовать свой круг – ассоциацию художников, поэтов, университетских ученых, которая противопоставляла себя науке - под

платоновскую академию, хотя не отличались аттической легкостью и ироничностью.

Своеобразие понимания античности Кругом заключалось в том, что георгеанцы сначала уже знали, на каких именно идеях остановить свое внимание. Они трактовали тексты, исходя из воззрений, идеологии Круга. Их работы не направлены на то, чтобы познакомить читателя с Платоном: георгеанцы практически не приводят цитат из текстов Платона, они трактовали его согласно собственным интересам.

М. Хайдеггер показывает, что должный способ мышления бытия – греческий (самоотречение, позволяющее слову и вещи быть). Он выделяется среди философов своим чувствованием, отношением к языку, в который можно найти более глубокое понимание мира, увидеть, о чем на самом деле спрашивает философия. М. Хайдеггер по-новому читает Платона и Аристотеля и задает вопрос: в чем смысл бытия? Хотя древние греки не спрашивают о смысле бытия – потому что он был для них очевиден – но о том, какие сущности действительно удовлетворяют смыслу Бытия и какие онтологические характеристики тем самым привносят. Бытие значит присутствие, так как оно включает в себя проблему времени и, следовательно, проблему онтологии Dasein – бытия-в-мире. Он поднимает вопрос о технике, указывая, что техника не нейтральна, она не содержит в себе меры; современная техника совершенно отличается от античной: древние греки использовали одно слово τέχνη для обозначения и художника, и ремесленника. Хотя именно в античной технике исток техники современной.

М. Хайдеггер считал, что, начиная с Платона, в философии больше не уделяется внимания проблеме сущего, поэтому он обращается к трудам Гераклита и Парменида, не ради возрождения античности, но с тем, чтобы увидеть в их мысли начало, вернуться к изначальному вопросу о Бытии.

Х. Арендт – немецкий политический философ. В книге «Vita activa, или О деятельной жизни» Арендт рассматривает труд, создание и действие – три вида человеческой деятельности, которые являются

основными, понимание которых в античности отлично от понимания современного человека.

Ханна Арендт пишет, что античное понимание вечности мира, способности к созерцанию, где было место для философского удивления, утрачено, и если для homo faber созерцание идей было первым этапом в создании вещей, то после переворота в Новое время *vita activa*, как деятельная жизнь, есть биологический *процесс*, значимость опыта теперь все уже, а жизнь человека стала «самой мертвенной, самой стерильной пассивностью, какую когда-либо знала история»³. На смену homo faber пришел animal laborans, стремящийся к изобилию (вещей), он больше не «строитель мира» и не ищет в нем своего места, а - бесконечно - производитель продуктов, которые подлежат потреблению, и тем самым он, в качестве рабочего, теряет политическое значение - его сфера теперь - общество, социальное; утрачивает чувство необходимости жизни, а за ним и не-обходимости собственной смерти.

Немецкими философами был найден высокий идеал в античности, отражением которой воспринималась мыслителями Германия. То, как они понимали античность, влияло на складывание их этических и эстетических установок. После Винкельмана и Гегеля аполлонический идеал уступает место дионисийскому. Классические образцы стали опорной точкой в поиске новых способов осмысления мира для интеллектуалов Германии XX века. Культура античной Греции стала восприниматься в качестве образца, к которому должна стремиться философская мысль, литература и искусство.

Во второй главе работы рассматриваются взгляды русских философов.

А. Ф. Лосев писал о природе мифологического образа, он воспринимал эстетически всю философию. Главным принципом для греков была вечная гармония и красота, которую они усматривали в чувственно воспринимаемом космосе. Античность отлична от других культур, поскольку она не основывается на субъективизме, космос же внеличностен. Поэтому мировосприятие этой эпохи - пантеизм, существует лишь судьба и

³ Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетея, 2000 г. С. 420.

необходимость. Но миф не остался в античности, миф есть и сегодня, события всех сфер нашей жизни могут быть восприняты чувственно-рационально, как чудо, а не просто история. Через миф мы можем понимать себя.

Таким образом, всякий раз, когда мыслитель обращается к античности с целью выделить ее специфические черты, он тем самым показывает, какие проблемы более всего волнуют не античного грека, но людей в то время, когда жил сам философ.

М. Л. *Гаспаров* отмечает, что мы оказываемся перед лицом необходимости осмысления античных текстов, дошедших до нас, и несмотря на то, что мы имеем дело только лишь отрывками из сочинений античных авторов, получить верное представление о них вполне возможно, поскольку такие фрагменты содержат в себе наиболее глубокие и выразительные мысли древних. Еще одной трудностью является для нас то, что например, филолог, историк, археолог и философ обращают внимание на разные аспекты одного и того же предмета. Более того - мы не знаем, что значит текст, написанный античным автором для тех, кому он был адресован, поскольку смотрим современными глазами и не можем посмотреть глазами античного человека.

Ю. А. *Шичалин* в книге «Античность – Европа – История» пишет, что начиная исследование античности, мы сталкиваемся с проблемой, которая свойственна всем работам, связанным с темой истории - выбором подхода, который позволит наиболее полно и точно говорить о прошлом. В XIX веке историками философии было решено пересмотреть уже существующие интерпретации античности с тем, чтобы вновь создать представление, которое наиболее точно отражало ход реальных событий прошлого - наивный взгляд, который предполагает существование некоторого объективного знания и объективной науки, но, с другой стороны, дает возможность получить ясный образ античности.

Объективный подход позволяет увидеть, что абстрактно представление о нашем времени, не об античности, поэтому, когда мы хотим узнать о прошлом,

быстро достигаем достаточности. Возникает вопрос, что нам позволяет здесь и сейчас видеть то, что мы видим в античности.

Существует также тенденция, основывающаяся на том, что историю мысли определяет нечто «другое». Мы не знаем, насколько другими были античные люди, хотя всегда подразумеваем, что они отличались от нас.

Гегелевский подход опирается на представление о целостности истории философии: истина мысли, как ее понимают философы, может быть совмещена с истиной научно-исторической. Он зачастую не дает должной ясности и понимания, но гегелевское видение тождества философии и истории философии положили начало для развития герменевтического подхода в XX веке.

С течением времени возникновение новых понятий и способов интерпретации влечет за собой различные варианты периодизации истории, определение и понимание ее, и, говоря о прошлом, пытаюсь прояснить минувшие события, мы обретаем ясность настоящего.

С. С. *Аверинцев* пишет об образе идеальной античности и о том, какое место занимал образ античности в Германии в XX веке. Поскольку жизнь стала восприниматься в мистических, мрачных настроениях, то и в античности стремились видеть характерное дионисийству. Возросшая в XIX веке ценность науки и научного факта стала причиной того, что представление об аполлонической Греции критиковалось, ибо классический идеал, не вобравший в себя всех исторических деталей, не подлиннен.

О мудрости у древних греков С. С. *Аверинцев* замечает, что ее понимание греками существенно отличается от того, что считается мудростью сегодня, мы привыкли соотносить её с понятиями «рациональность» и «практичность». В античности же мудрость умозрительна, её дело – космос. Если говорить о литературе античной Греции, то в этом случае, считает С. С. *Аверинцев*, нельзя применять те же самые критерии, что и к литературе других народов, поскольку у нее свой уникальный путь, ее критерии не могут быть применены к литературе «негреков», способ видения греческих поэтов принципиально иной.

М. К. *Мамардашвили* писал, что тексты древнегреческих философов должны быть прочитаны нами с установкой, что мысль не должна пониматься с точки зрения хронологии, не придерживаться того взгляда, когда история мысли понимается как прогресс, движение от примитивного мировосприятия к современному, сложному и более правильному. Греки полагали, что только с помощью ума возможно постижение истинного мира. Мыслить для греков – значит уметь видеть единое, которое есть одно и всё. Недостаточно просто смотреть, чтобы увидеть мир, следует осуществить усилие (ума), совершить которое любому не удастся, бытийственное измерение открывается человеку через чувство страха, переживание смерти, утраты и неизвестности, собственную отчужденность от мира и вместе с тем осознание себя живым - я существую, следовательно, *должен* мыслить. Несмотря на стремление к гармонии и порядку, греки считали, что жизнь трагична, а такое состояние души необходимо для легкости мысли, как необходимо мужество для философского удивления.

В. В. *Бибихин*, как и М. Хайдеггер, видит в древнегреческом языке источник смыслов, зачастую неизвестных читателю, хотя те являлись для античных греков очевидными. Человек захвачен бытием и сам пытается его ухватить, понять, что оно такое – об этом вопрошают на протяжении всей истории новоевропейской философии. О бытии говорят разными способами, оно захватывает по-разному, но мы всегда уже захвачены, и общим моментом здесь будет только эта захваченность. В книге «Собственность. Философия своего» В.В. Бибихин отмечает, что в каждую отдельную эпоху оно всякий раз иначе схватывается и иначе захватывает. Человек сегодня понимается совершенно иначе, не в соединении и гармонии с миром, но как «индивидуальность», «забота о себе» изменила первоначальное значение.

В. В. Бибихин отмечал, что античность всегда присутствует в настоящем, это не пройденный этап истории; здесь, как для восприятия искусства, требуется внимательность и тонкая работа, тонкое чутье и ум (*νοῦς*), чтобы

увидеть то, что очевидным было для древнего грека, чтобы принять вызов античной философии, принять мир как он есть.

Заключение. Философия древних греков ставит перед нами такой вопрос, способ ответа на который, наше понимание античности задает то, каким образом мы мыслим мир и человека сегодня, наше собственное отношение к жизни. Так, античность как классический идеал, о чем впервые стал говорить И. Винкельман, - служит образцом для философов и филологов, древнегреческая литература становится вызовом для поэтов и писателей. Немецкие мыслители, главным образом, Ф. Ницше, видят культуру своего времени продолжением культуры античности, хотя ее идеальный (аполлонический) образ сменяется дионисийским, и такое изменение показывает, что мы не можем говорить о том, что античность понята нами достаточно глубоко, поскольку мы, конечно, не можем воспринимать мир точно таким же образом, как это делали древние греки. Тем не менее, трансформации в интерпретации античности способствуют совершенствованию способов ее осмысления.

Наш способ прочтения античных текстов также влияет на понимание нами и самих древних греков, и определяет наше мышление, отношение к современности. В то время, как историк заинтересован в фактах, для философа важен смысл, и существование различных методов позволяет расширить границы исследований античности.

Проблема интерпретации античности не может быть раскрыта лишь в каком либо одном измерении: необходимо обратить внимание на филологический и исторический ее аспекты.

По материалам выпускной квалификационной работы опубликованы следующие **статьи**:

1. Павлова Д. А. Проблема интерпретации античности // Бунтующий человек в посткнижном мире / Д. А. Павлова; под ред. М. О. Орлова. – Саратов: ИЦ "Наука", 2014. – С. 163-167.

2. Pavlova D. A. The problem of Interpretation of Antiquity / D. A. Pavlova // Актуальные исследования молодых ученых в области гуманитарных наук: материалы научной конференции. – Саратов: Издательство "Техно-Декор", 2014. – С. 126-130.
3. Павлова Д. А. Проблемы интерпретации античности // Наука и общество: проблемы современных гуманитарных исследований: сб. трудов Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции студентов-стипендиатов ОРФ (Саратов, 14 ноября 2015 г.) / Д. А. Павлова; под ред. Д. Н. Конакова. – Саратов: СГУ, 2016. – С. 28-31.
4. Павлова Д. А. Три античности в творчестве Ф. Ницше // Столкновение цивилизаций и амбивалентный человек / Д. А. Павлова; под ред. М. О. Орлова. – Саратов: ИЦ "Наука", 2016. – С. 115-119.